

Спустя три дня после этого драматического эпизода Достоевский был выслан в Сибирь и попал в каторжную тюрьму города Омска. Там он пробыл четыре года, после чего был отдан в солдаты. В России упорно носился слух, что во время его нахождения в каторжной тюрьме он был подвергнут за какой-то мелкий проступок наказанию плетью и что к этому времени относится начало его болезни, эпилепсии, от которой он не мог освободиться всю свою последующую жизнь²⁰.

Амнистия по случаю коронации Александра II не улучшила судьбы Достоевского. Только в 1859 году, т.е. четыре года спустя после восшествия на престол Александра II, великий писатель был помилован, и ему разрешено было возвратиться в Россию. Он умер в 1881 году.

Достоевский писал быстро и уже раньше ареста успел создать около десяти более или менее крупных повестей, среди которых, помимо “Бедных людей”, обращает на себя внимание “Двойник”, являющийся предшественником его позднейших психопатологических романов, и “Неточка Незванова” указывающие на быстрое созревание первоклассного литературного таланта. По возвращении из Сибири Достоевский напечатал ряд романов, произведших глубокое впечатление на читающую публику. Он начал эту серию произведений крупным романом «Униженные и оскорбленные». За ними вскоре последовали «Записки из мертвого дома», в которых он рассказал свои впечатления от пребывания на каторге. Вслед за тем появился роман «Преступление и наказание», который затронул ряд общественных вопросов и впоследствии пользовался большим вниманием в Европе и Америке. «Братья Карамазовы», роман, считающийся наиболее обработанным его произведением, еще более вдается в область преступности и ее причин, чем «Преступление и наказание», а «Подросток», «Идиот» и «Бесы» принадлежат к серии романов, посвященных психопатологическим проблемам.

Если рассматривать произведения Достоевского исключительно с эстетической точки зрения, то приговор критиков относительно их литературной ценности едва ли был бы очень лестен для автора. Достоевский писал с такой быстротой и так мало заботился об обработке своих произведений, что, как указал Добролюбов, их литературная форма иногда бывает ниже всякой критики. Речи его героев не отличаются последовательностью; они часто повторяют самих себя, и всякий раз при появлении героя вы чувствуете за его спиной самого автора. Помимо этого, к этим серьезным недостаткам присоединяются чрезвычайно романтические и устаревшие формы сюжетов его романов, беспорядок их построения, не наблюдаемая в действительной жизни смена событий — не говоря уже об атмосфере сумасшедшего дома, в которой все эти события происходят. И все же, несмотря на все вышеуказанное, произведения Достоевского проникнуты местами таким глубоким чувством реального, что рядом с совершенно фантастическими характерами вы находите характеры, так часто встречающиеся в жизни и настолько реальные — особенно как только он касается «униженных» вроде Мармеладовых, — что вы забываете о вышеупомянутых недостатках таланта Достоевского. Если вы даже думаете иногда, что речи героев Достоевского едва ли переданы им точно, вы чувствуете, что люди, которых он описывает, — по крайней мере некоторые из них, — именно такие люди, каких он стремился изобразить.

«Записки из мертвого дома» — единственное произведение Достоевского, которое можно признать безупречным в художественном отношении; руководящая идея этого произведения прекрасна, и его форма вполне соответствует идее; но в своих последующих произведениях автор не в силах справиться с овладевающими им идеями, не может довести их до полной ясности для самого себя; художественное восприятие заменяется нервной возбужденностью, вследствие чего страдает и форма, и сущность произведений: неясные идеи автора не находят надлежащей формы выражения. В ранних произведениях Достоевского его излюбленными героями являются люди, которым обстоятельства жизни создали такое положение, что они потеряли всякую надежду снова подняться. Вы чувствуете, однако, что Достоевский находит истинное удовольствие в описании моральных и физических страданий этих униженных, что он наслаждается, изображая те умственные страдания, ту полную безнадешность и ту придавленность человеческой природы, которая характеризует невропатологические

²⁰ Легенда о телесном наказании, которому будто бы подвергали Достоевского на каторге, опровергается его биографами (см. Биографию, Письма и Заметки из записной книжки И. Ф. Достоевского, Спб., 1883, с. 140-141), близко знавшим его д-ром Яновским и братом писателя. Падучей Достоевский страдал, по словам А.П. Милукова, близко знавшего его в 40-х годах, до ссылки, но припадки были слабыми и редкими; болезнь, несомненно, обострилась на каторге. По новейшему исследованию Мартынова («Дело и люли века», т. III, с. 263), Достоевский телесному наказанию на каторге не подвергался, хотя был однажды случай, когда плац-майор Кривцов хотел наказать его розгами, но об этом немедленно дали знать генералу де Граве, который сделал Кривцову публичный выговор. Из собранных Мартыновым материалов о пребывании Достоевского и Дурова на каторге видно, что некоторые из начальствовавших лиц (генерал Бориславский и др.) всячески старались смягчить участь петрашевцев в Омске, насколько это, конечно, было возможно в то суровое время. (Прим. пер.)